

*Александр Михайлович Гордин, кандидат
искусствоведения, научный сотрудник
Государственного Эрмитажа (г. СПб)*

Церковное серебро XVI–XVIII веков из Опочки в собрании Псковского музея

Среди предметов культа во всем районе не было до сего времени ценностей, заслуживающих внимания музейных работников, и в музеи церковных вещей из района не поступало, кроме старинной люстры в виде широкой чаши с 12-тью подсвечниками, переданной в Псковский музей Троицкой церковью города Опочки.

А. И. Белинский. «Религиозное состояние района». 1930 г.

Произведения прикладного искусства принято изучать по месту их создания, по мастерам, мастерским, художественным центрам, а также эпохам, либо по категориям предметов, но никак не по месту их бытования. И только рамки краеведческих чтений дают известное право нарушить это неписаное правило.

О том, что в музейных собраниях есть несколько вывезенных из Опочки ранних икон и старинных книг, те, кого это интересовало, знали давно. А вот о том, что уцелели также изделия из драгоценных металлов, стало известно лишь из вышедшего в 2013 году шестисотстраничного каталога «Художественное серебро XVI – начала XIX века из собрания Псковского музея-заповедника», составленного Ириной Самойловой Родниковой. Без ее капитального труда не было бы и этой скромной по объему публикации.

Самая старая вещь, которой она коснется, и единственная, чей точный источник и год поступления в музей указаны в довоенной Книге учета драгметаллов, – это крест, поступивший в 1931 году из Успенской церкви (ил. 1).

Не его, конечно, имел в виду Софийский, когда указывал, что «в ризнице церкви сохраняется деревянный крест, сооруженный при освящении прежней церкви»¹. Тот крест явно был закладной, больших размеров, этот же – напрестольный, использовавшийся в богослужении. Размеры его 36x17,5 см². Согласно обычному в средневековье приему, деревянная основа обложена тонкими полосками серебряной золоченой фольги, называемой у нас восточным словом *басма́*. Обрывы и помятости не мешают оценить

¹ Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912 (репринтное издание: Псков, 2004). С. 105.

² Родникова И. С. Художественное серебро XVI – начала XIX века из собрания Псковского музея-заповедника. М., 2013. Кат. № 2. С. 89.

тщательность работы. Прочеканенные цветочные орнаменты – вполне в стиле XVI века и в большинстве могут быть названы ренессансными – иными словами, имеют европейское, а не восточное происхождение. Поверх прикреплено литое золоченое Распятие и две литые золоченые фигурки слетающих с небес ангелов на верхнем перекрестье, от которых осталась теперь лишь одна. Кроме того, крест по древней традиции украшен камнями, а именно тремя крупными хрусталиями.

Благодаря этим прозрачным хрусталиям, удачно найденным пропорциям, разнообразному, но строгому рисунку басмы (ил. 2), крест из Успенской церкви выгодно выделяется на фоне других напрестольных крестов XVI–XVII веков из Псковского музея солидностью и благородством³. Черта, несомненно, архаичная – нижняя перекладина опочецкого креста менее наклонна, чем у большинства прочих. На торцах оправы этой перекладины, т. е. в достаточно скромном месте, с большим изяществом выгравирована надпись: «лѣта 30Ѣ^[о] (7075-го – А. Г.) марта здѣла^н кр[ѣ]сть повелѣние^м раба б[о]жиа Ивана Минина Попова сына». Характерное для грозненской эпохи влияние вязи (см. *р*, *б* и похожую на современное *я* букву *а*, а также лигатуру *ни*) уравнивается преобладанием широкого шрифта (см., в особенности, далекую от вязи грецизированную (?) округлую форму *с* и *ѣ*, трехное *т*); кроме того, между торцами наблюдается легкое различие в почерке – как если бы первую часть надписи выполнила более темпераментная рука (ил. 3).

Лето Господне 7075-е в переводе на наше летоисчисление – 1567-й год. Чем памятен он в истории? Всего несколькими месяцами ранее «явился в Воронащинѣ, на Синичьих горах, на городищи проща именемъ Пречистые Богородицы, и многое множество прощение человеком всяким недугом начася», т. е. свершились чудеса, ставшие прологом к основанию Святогорской обители. После «был моръ в Новѣгородѣ в Великом от Господина заговенья да до Николина дни осеняго и далѣе, а мерло многое множество людей, мужей и жен и дѣтей и чернцовъ и черницъ, тако же и по селам и в Старой Русе, а во Пскове начало мерети тое же осени». В соседней Ливонии «свѣиские Нѣмцы», т. е. шведы, вели жестокие битвы с «литовскими людьми ... и с маустромъ и с Нѣмцы»⁴. Еще до этого, в феврале, союз со шведским королем против Великого княжества Литовского заключил Иван Грозный. Весной в Кремоне, что на севере Италии родился будущий композитор Клаудио Монтеверди, один из создателей оперного жанра. В середине лета в далекой Шотландии лорды-протестанты принудили Марию Стюарт отречься от престола в пользу ее годовалого сына, а во Франции с сентября вновь разгорелась затихнувшая было война католиков и гугенотов.

³ Ср.: Там же. Кат. № 1, 3–10, 12. С. 88, 90–104.

⁴ Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. Вып. II. М., 1955. С. 248–249.

Надписи на напрестольных крестах с датой и именем заказчика делались на Руси уже в XII веке: достаточно вспомнить крест преподобной Евфросинии Полоцкой, где строчки, кстати, также были нанесены на боковые грани – на более поздних крестах, включая псковские, мы гораздо чаще видим их на обороте или порой внизу рукояти с лицевой стороны⁵.

В XVI столетии на Псковщине надписи – не только на крестах, а вообще на священных предметах – явление вполне обыденное. Нашу надпись нельзя, правда, назвать *вкладной*, ибо о том, в какую церковь крест был вложен, она умалчивает. Можно лишь предполагать, да и то без особой уверенности, что Иван Минин вложил его именно в Успенскую церковь, и что он оставался в «посадском монастыре», а затем в приходе примерно 362 года, сменив на своем веку минимум четыре храма: три деревянных и один кирпичный. Церковная опись 1802 года совершенно точно этот крест упоминает: «*второй деревянный обложенъ серебромъ на немъ Распятие литое, и поверхъ онаго голубчикъ серебряные позлащенные и три камшика хрустальные белые*»⁶. А вот опись 1827 года о кресте умалчивает: видимо, по причине ветхости⁷. Нет уверенности и в том, что он учтен в ведомости имущества, составленной век спустя, вскоре после закрытия церкви, хотя там фигурируют трое «*крестов серебряных напрестольных*», а также «*деревянный крест И. Хр. в металлической оправе*»⁸.

Заказчика креста 1567 года, Ивана Минина, мы вновь встречаем почти двадцать лет спустя на страницах Платежной книги 1585–1587 годов: теперь уже в качестве «*сергѣевского попа*», а не «*попова сына*». Двор его – на посаде, в малонаселенной «*Федосовъ улицы*». Тут же и огород, средних о ту пору размеров: «*вдоль 16 сажень, а поперегъ 13 сажень*», т. е. больше восьми соток – «*оброку 2 алтына безъ денги*» (как видно по другим примерам, прямой зависимости между величиной obroka и огорода не было)⁹. На «Плане города Опочки в XVI и XVII ст.» Л. И. Софийский и Б. Н. Офросимов поместили Федосову улицу примерно на месте Покровской

⁵ Единственное исключение среди опубликованных И. С. Родниковой – крест 1677 г. из церкви Космы и Дамиана с Примостья. – Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 7. С. 96–97 (надписи на боковых гранях).

⁶ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1051 «Книга, данная... города Опочки в Успенскую церковь для вписания в оную всего церковного имущества... марта 17го дня 1802го года». Л. 3. Декор креста непосредственно над Распятием ныне утрачен, однако, более вероятно, что «голубчиком» назван по ошибке ангелок, ибо изображение Святого Духа на средневековых Распятиях отсутствует.

⁷ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3416 «Книга, данная... города Опочки в Успенскую церковь для вписания в оную всего церковного имущества... 1827го года».

⁸ ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. 1929 г. Д. 345. Л. 1, 5. «Согласно акта комиссии от 22/ VII с. г. все серебро Успенской церкви весом – 9699 грамм в количестве 98 предметов изъято и сдано на хранение в Опочецкий Горбанк» (л. 5а). Благодарю О. С. Григорьеву, охотно предоставившую фотоснимки этого дела, как и обеих вышеуказанных описей.

⁹ Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Псков и его пригороды. Кн. 1. М., 1913. С. 399, 403 (дворы опочецких священнослужителей были в большинстве «нетяглыми», т. е. свободными от повинностей и податей).

(она же Успенская), но эта локализация нуждается в проверке. Отцом отца Ивана был никто иной, как Мина Михайлов, священник Спасской соборной церкви, «*повелъннемъ*» которого в 1554 году было положено «*злато и веньцы*» на список с чудотворной иконы Всемилоственного Спаса и прикреплен к нему пресловутая серебряная дощечка¹⁰. (Последняя, как выясняется, в советское время также поступила в музей – «*по изъятию церковных ценностей из г. Опочка*», но, к несчастью, среди других ценных вещей была списана 23 ноября 1937 года¹¹).

Бесследно исчезнувший мир совершенно неведомых нам людей. А крест, вот, хоть и потрепанный, сохранился.

Также из Опочки, согласно Книге учета драгметаллов 1937 года, поступил в музей и незаурядный по качеству венец с «*коруной*» и цатой от маленькой иконы Богородицы с прильнувшим Младенцем, наподобие Владимирской (ил. 4)¹². Уже при первом взгляде на этот дорогой, золоченый убор трудно представить, что он мог украшать какой-либо иной образ, кроме Богородицы Умиления Себежской, прославившейся в 1672-м, 1681-м и 1682-м годах чудесным истечением слез. В самом деле, по описи деревянного Спасо-Преображенского собора, составленной за десять лет до его гибели, числится «*За левым крылосом: образ богородичен в киоте резном позлаченом на нем венець јгривенка сребрянныя позлоченые поля јоколо обложено сребром на нем привесу один рублевикъ один крестъ сребреннй завеса на нем таѳты желтой с колечкам медным на нем покров бархату красного ветхо[го] на нем вышит образ с[вя]тыя троицы сребром јзолотом обложен круживом сребренным в подложке пелена голи красной ветхая крестъ јоколо сетка сребренныя пред ним подсвешникъ стоячей деревянной позлоченой наделка аловянная*»¹³. Несомненно, описана чудотворная икона. Всего в инвентаре значатся двенадцать образов, имевших золоченые венцы, девять обложенных серебром, в том числе три в серебряной «*ризе*», и девять образов с гривенкой, но только пять из них наряду с Богородицей Умиления Себежской имели все эти украшения сразу. «*Гривенка*» означает то же, что и цата, ведь прежде чем стать денежной единицей, гривна была (да и после осталась) шейным украшением. В данном случае месяцевидной формы.

¹⁰ [Бутырский И. П.] Опыт древней истории города Опочки. Псков, 1879. С. 25–33; Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд... С. 23–25 (и прорись на обложке книги); Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического съезда 1914 года в Пскове, отмененного по случаю войны. Псков, 1915. С. 54.

¹¹ Книга учета драгметаллов, 1937 г. (благодарю с. н. с. сектора хранения предметов из драгоценных металлов и драгоценных камней Псковского музея-заповедника Ирину Акиндиновну Галицкую за любезно предоставленные ею выписки и сведения).

¹² Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 382. С. 62, 462–463.

¹³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 838. Л. 8 (благодарю архив за предоставленные цифровые фотографии). Тафта – плотная ткань полотняного плетения, как правило, из шелковых нитей; голь – китайский шелк вроде камки.

Свое место за левым клиросом Себежская икона сохранила сперва и в каменном Спасо-Преображенском соборе (1795), и только позднее была перемещена в придел. Иван Бутырский в статье 1847 года «О чудотворной иконе Умиления Пресвятыя Богородицы Опочецкия» приводит описание 1827 года: «С левой стороны ... между колонн, на иконостасе: Образ Умиления Божия Матери, пядичный, выносный, в резном позолоченном киоте; на оном образе риза, венец и гривна серебряные, позлащенные, чеканной работы: в них весу два фунта пять золотников»¹⁴. Но еще важнее комментарий Ивана Петровича, ибо он снимает всякие сомнения. «Гривна, – пишет он, – здесь значит, так называемый подбородок, то есть не совсем правильный полукруглый чеканный серебрянный барельеф. Он изображает Господа Иисуса Христа, окружаемого, с правой стороны, Архангелом Михаилом и Божией Материю, а с левой Архангелом Гавриилом и Иоанном Предтечею, древней, грубой работы. Такой же и венец, на котором корону или диадиму держат с боков два Ангела. Диадима эта местами сквозная. Самая риза, другой, простейшей работы. Четыре вставленные в нее украшения, в виде раковин, и внизу, посередине, чаша с плодами, оставлены были, вероятно, с намерением, не позолоченными»¹⁵. Описанные детали «риз», иначе говоря, цельнометаллического съемного оклада, ожидаемо указывают на поздний XVIII век, когда и опочецкие купцы, подражая прочим, принялись одевать новым серебром церковные образы. Ведь в 1764 году, согласно цитированной описи, Себежская икона имела еще старый басменный оклад.

Известный снимок А. И. Герасимова запечатлел ее уже в ином, совсем позднем окладе – судя по псевдовизантийскому орнаменту на полях), созданном во второй половине XIX века. Даже та его часть, что закрывала одежды («риза» в узком смысле слова), была изготовлена заново, а вместо прежней «коруны» явились два слетающих с небес литых ангелочка с увенчанной крестом и отделанной стразами барочной короной¹⁶. Снятый старый убор был либо перенесен на другой образ, либо, учитывая давность повреждений «коруны», скорее, просто хранился в ризнице.

В заполненных в 1887 г. соборными опросными листами Академии художеств для сбора данных о церковных древностях¹⁷, о бывшем окладе с венцом и цатой нет ни слова. Зато в 1914 году мы находим его на сорвавшейся из-за войны большой археологической выставке в Пскове: «Риза от иконы Себежской Бож. Матери с цатой кон. XVII ст. На цате чеканной работы Деисус. Спасо-Преображ. собор гор. Опочки»¹⁸. Мало того,

¹⁴ ПГВ. 1847. № 17, часть неофиц. С. 74, прим. д.

¹⁵ Там же. № 6, часть неофиц. С. 21.

¹⁶ Описание оклада см.: Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд... С. 99.

¹⁷ Рукописное отделение НА ИИМК РАН. Р-III. Оп. 1. Д. 5871.

¹⁸ Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического съезда... С. 55 (помета Книги учета драгметаллов касательно венца и цаты «по изъятию церковных ценностей из г. Опочка»)

описанный экспонат угадывается на помещенном на обложку каталога выставки снимке с обвешанной иконами витриной-звонницей – разобрать тут что-либо в деталях, правда, невозможно (ил. 5). Трудно поэтому удержаться от обратного шага и не попытаться вернуть, хотя бы виртуально, венец и цату на икону. Знание размеров иконной доски: семь с половиной на шесть вершков¹⁹, или 33,5x27 см, – и размеров убора: 32x25 см – позволяет совместить фотографии в правильном масштабе. Результат вполне убедителен (ил. 6).

Гривна, она же цата, отличается не только гармоничными пропорциями, но и трогательной наивностью и благоговейностью стиля: по-детски коротенькие, не лишённые робости фигурки, круглые пухленькие лица, выпученные глазки. Невольно вспоминаются персонажи картин замечательного крестьянского художника костромича Ефима Честнякова (1874–1961). Подобное соединение «народности» и христианской кротости было укоренено в искусстве средневекового Пскова²⁰, и И. С. Родникова, конечно, верно отмечала псковский характер цаты. Процарапанные на ней надписи, к сожалению, пока не опубликованы – вполне можно ожидать присутствие в них псковских диалектизмов. Венец с «коруной», наверняка, произведение того же мастера, хотя локальной специфики ни в форме «коруны», ни в общем рисунке чеканных орнаментов нет. И те и другие, судя по всему, пришли из искусства Москвы. При поступлении убора в музей еще сохранялась прикрепленная поверх зубцов *«поздняя ажурная накладка с тремя рядами вставок граненого стекла» («девять пустых гнезд»)*. Правый край «коруны» вместе с ангелом был тогда уже отломан, как, видимо, и недостающие ныне крылышки серафимов; не хватало, по описи, и ушка для крепления цаты под венчиком Младенца²¹. Что до прекрасной сохранности позолоты, то она объясняется реставрацией XIX века: «теперь, – писал И. П. Бутырский, – гривна, венец и риза ... вновь очень хорошо вызолочены...».

И венец, и цата, и утраченный еще при Екатерине басменный оклад, наверняка, созданы были вскоре после первых слезоточений от иконы в июне-июле 1672 года. Тут приходится поправить Ивана Петровича Бутырского: икона в то время находилась еще в Себеже. В Опочку она была перенесена, как и утверждало недвусмысленно рукописное «Сказание о чудеси», только при царе Феодоре Алексеевиче – из-за очередной уступки

указывает, что риза, подобно вышеупомянутой серебряной пластике с надписью, вернулась с выставки в собор).

¹⁹ ПГВ. 1847, № 2, часть неофиц. С. 7.

²⁰ Хотя и много слабей, названные черты проступают в Деисусе на чеканном венце 1710 г. с «иконы Владимирской Богородицы» из церкви Покрова от Торга (ПМЗ, инв. № 607). – Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 371. С. 66–67, 448–449.

²¹ Книга учета драгметаллов, 1937 г. № 143 (выписка предоставлена И. А. Галицкой). См. также: Родникова И. С. Художественное серебро... С. 463.

Себежа Речи Посполитой²². Перенесена между мартом 1679 и мартом 1681 года. Уверенно говорить об этом позволяет довольно близкий по времени документ из архива Себежской ратуши, заново открытый московским историком и архивистом Николаем Петровичем Меньшовым, который, надеюсь, скоро его опубликует²³.

Среди десятков произведений позднего XVII века, чьи изображения доступны ныне на музейных Интернет-сайтах, полных аналогов нашему венцу не заметно. Даже два несколько напоминающие его венца ярославской работы (ГРМ, инв. БК-3462, 19х23х3,1 см, и, в меньшей мере, ГИМ, инв. 54631/13, 36,5х22,7 см)²⁴, демонстрируют далеко не такой элегантный декор и не столь ажурную корону²⁵. С точки зрения композиции, близкую параллель закономерно составляет венец другой псковской иконы Умиления – из Варлаамовской церкви (ПМЗ, инв. № 382; 16х21 см) – правда, еще грубее украшенный и более поздний: начала XVIII века²⁶.

Другая вещь из Опочки, поступившая в музей, «возможно, в 1934 г.»²⁷ – средник от верхней крышки оклада Евангелия с изображением пятифигурного Деисуса (ил. 7). Чеканка здесь существенно иная. В суровой обобщенности рисунка, особенно в графике лиц и рельефе нимбов, есть даже нечто вневременное, способное вызвать в памяти как современную чеканку, так и памятники христианской древности. Но главное – вещь эта очень цельная, почти живописная по стилю, в ней чувствуется живая струя народного искусства и веры. В Псковском музее среди десятка чеканных накладок с изображением Деисуса нет ни одной другой сколько-нибудь похожей. Разве что на среднике оклада Евангелия конца XVII века из неизвестного храма (ПМЗ, инв. № 565) мы также видим круглые клейма для именных надписей²⁸. Тем не менее опочецкая накладка, скорее всего, была изготовлена в Пскове, причем не позднее самого начала петровской эпохи. Сравнительно близка ей по технике чеканки и по орнаментации цата конца XVII века из монастыря Николы на Любятове на реке Пскове (ил. 8). В

²² ПГВ. 1844. № 17, часть неофиц. С. 74. Список, по которому опубликовал сказание И. П. Бутырский, видимо, утрачен. Единственный выявленный в собраниях список службы и сказания датирован 1778 г. и происходит из опочецкого собора: РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 765. 27 лл.

²³ Меньшов Н. П., Гордин А. М. К истории образа Богородицы Умиления Себежской // Великолукский вестник. Краеведческий альманах. № 10 (в печати).

²⁴ https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/old_russian_art/bk-3462/index.php;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10638207>

²⁵ Надо ли говорить, что место убора Себежской иконы – в музее и только в музее. Уже больше 80 лет, как утерян чудотворный образ, который он украшал. Разрушен собор. Изготовление точной копии – удовольствие дорогое, и было бы аморально заботиться о том, пока многие храмы по-прежнему стоят в руинах и гибнут другие ценные свидетели минувшего, которые на те же средства можно попытаться спасти.

²⁶ Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 372. С. 449. Воспроизведение см.: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15532433>

²⁷ Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 83. С. 161.

²⁸ Там же. Кат. № 49–60. С. 142–143.

рисунке любятовской цаты больше тонкости и динамики, однако, композиционно эта вещь слабее. Еще более отдаленная аналогия – накладка с евангелистом Лукой из Порхова (ПМЗ, инв. № 543/4; 10x8 см). Главное сходство дает банальная кайма из бусинок, в остальном же порховский наугольник обнаруживает несравненно большее влияние искусства барокко. И действительно, на нем стоит клеймо новгородского мастера с датой 1747-й год²⁹. Любопытно, что и другая кое в чем близкая вещь происходит из соседнего с Порховом посада Сольцы. Этот цельнометаллический оклад (НГОМЗ, инв. КП 1387 ДРМ-794) датирован 1737 годом, но, несмотря на смягчающее воздействие стиля барокко и в целом иную выучку мастера, в «Сошествии во ад» на среднике осязательны схожие композиционные принципы и родственная фольклорная стихия³⁰.

Кстати сказать, самобытность опочечкой накладки, не в последнюю очередь, предопределила ее иконографический прототип, в котором легко угадать икону с компактным многофигурным Деисусом, так называемую седмицу. Небольшие моленные образы этой иконографии – с повернутыми друг к другу архангелами за спинкой престола – известны уже в XVI в., но широкое распространение получили лишь в поздней иконописи. Некоторые «седмицы» – к примеру, икону из Вологодского музея-заповедника (инв. № ВОКМ, 37,2x32 см) – отличает такой же учительский жест Христа, указующего на раскрытое Евангелие: этот жест отсылает к древней на местной иконе Спаса из Софии Новгородской и ее разновременным репликам³¹.

Можно было заподозрить, что накладка с Деисусом снята с оклада рукописного Евангелия из Успенской церкви, о котором упоминал Софийский³², однако это не так. Источник ее происхождения еще предстоит выяснить³³.

Если не к концу XVII, то самое позднее к началу XVIII века должна была относиться еще одна, по Книге учета драгметаллов, числящаяся поступившей *«по изъятию церковных ценностей из г. Опочка»*, но впоследствии утраченная, маленькая (10 см) медная золоченая цата с чеканным *«орнаментом из расходящихся на две стороны растительных*

²⁹ Там же. Кат. № 120. С. 188.

³⁰ <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/100451>

³¹ См. о них: Смирнова Э. С. «Спас Златая риза». К иконографической реконструкции чтимого образа XI века // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 159–200.

³² Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд... С. 105 («а в библиотеке – рукописное евангелие неизвестного времени»).

³³ Едва ли можно связать его с Евангелием *«вдестъ на нем Господ[ъ] вседержитель јевангелисты застешки сребренныя...»* из описи собора 1764 г. (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 838. Л. 2 об.). Подробнее о накладке с Деисусом см. нашу статью «Об одном чеканном среднике оклада Евангелия псковской (?) работы конца XVII века» в XX томе Трудов Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева «Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи. Материалы IX научных чтений, посвященных памяти Д. И. Арсенишвили». М., 2022. С. 144–153, 270–272.

завитков». Труднее датировать серебряную позолоченную крупных размеров (10,5x8,2 см) накладку на иконный оклад с надписью «Господь» и «двумя розетками из точек по сторонам» (как на венце и цате Себежской иконы ?), а также с городчатым ободком. И цата, и накладка были слегка помяты³⁴.

Остальные четыре предмета, поступившие в Псковский музей «по изъятию церковных ценностей из г. Опочка», – произведения столичного ремесла второй половины XVIII – начала XIX века. Самый ранний из них в каталоге И. С. Родниковой также отсутствует: помятый, возможно, при снятии с иконы, «венчик святительский» (14,5x8,5 см) с городчатым ободком и розетками на краях и клеймами «Москва», «1753», «СК» и «ИЮ» в прямоугольниках («серебро низкой пробы, золочение, чеканка, гравировка»)³⁵. Другие предметы, напротив, благополучно дошли до наших дней. Это, во-первых, пожертвованный кем-то церкви вызолоченный внутри стаканчик (инв. № 75; 7x8,5 или 9 см) из серебра невысокой пробы с плоским рокайльным орнаментом и клеймами: «Москва/1760» и «АВП» (мастер Алексей Васильев сын Полозов), «АФП» (альдерман³⁶ Федор Петров) и «ВА» (пробирный мастер). На гладком венчике – поздняя, судя по начертанию, владельческая надпись курсивом: «П. А. Кругликовъ»³⁷. Стаканчик, стало быть, принадлежал одному из потомков обосновавшегося в 1820-е годы в Пскове гвардейского штаб-ротмистра А. И. Кругликова – вернее всего, его сыну, опочецкому дворянину коллежскому асессору Павлу Александровичу (1841 – после 1906 г.)³⁸. Во-вторых, это заметно помятый овальный, позолоченный внутри ковшичек для теплоты (инв. № 128) с вырезанным на дне консервативного стиля Голгофским крестом, плоской литой ручкой «с прочеканенной на ней раковиной» (ил. 9) и клеймами: «Петербург», «1776», «СІЕ» (мастер Клас Иоганн Элерс) и «ЕБ» (пробирный мастер Евграф Боровщиков)³⁹. И в-третьих, изящный серебряный наугольник верхней крыши Евангелия с евангелистом Лукой работы московского мастера

³⁴ Книга учета драгметаллов 1937 г. (выписки предоставлены И. А. Галицкой). Описи Успенской церкви 1802 и 1827 гг. упоминают старинный «образъ Умиления с Предвечнымъ младенцемъ на нихъвѣнцы и большой къ обоимъ ликамъ подбородокъ чеканные сребренные позлащенные...» (ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3416. Л. 3). Не исключено, что за серебряную принималась медная золоченая гривна (подбородок).

³⁵ Книга учета драгметаллов.

³⁶ Alderman (англ.) – здесь, цеховой старшина.

³⁷ Книга учета драгметаллов. № 159; Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 469. С. 543.

³⁸ См. о нем: <https://vk.com/@173166760-bolgatovo-kruglikovy>; Кругликова К. А. Древний дворянский род Кругликовых. Псковская ветвь // Четвертые Псковские региональные краеведческие чтения. Сост. Т. В. Вересова. Псков; М., 2014. С. 434–436 (благодарю А. В. Кондратеню, познакомившего меня с этой публикацией); Памятная книжка Псковской губернии на 1905 и 1906 г. Псков, 1905. С. 176. В разные годы Павел Александрович был почетным смотрителем уездных училищ, почетным мировым судьей и заседателем Опочецкой дворянской опеки. Умер бездетным. П. А. Кругликовым был также его брат-близнец Петр, живший в Москве, и племянник подполковник Петр Александрович (1862–1914).

³⁹ Родникова И. С. Художественное серебро... Кат. № 213. С. 280 (происхождение из Опочки не указано); Книга учета драгметаллов.

Александра Панфилова (инв. № 515; 10,5x8,2 см). Хотя клеймо датирует наугольник 1819 годом, стиль его хранит традиции XVIII века⁴⁰.

Возвращаясь к Четвероевангелию из Успенской церкви (Древлехранилище Псковского музея, инв. РУК-464), надо отметить, что его чудовищно попорченный переплет украшен не серебряными, а медными накладками. Из вкладной надписи 1619 года внизу первых листов явствует, что Евангелие принадлежало греко-католической церкви святого Евстафия Плакиды в селе Дубне на Гродненщине⁴¹. Неудивительно, что, как показывает полученный из музея снимок переплета, накладки – белорусской работы (ил. 10). Для такого вывода достаточно было бы и надписи: «Распятие Господа Бога» – вместо «Распятие Господне», как было принято в Московской Руси. Но о мастере-белорусе говорит также и стиль скупых по рисунку изображений, притом что форма фигурных обрамлений евангелистов наследует общую для разных частей Руси традицию (XVI века?). Видимо, дата изготовления оклада близка к году вложения книги в храм, хотя сама она – верно или нет – датируется по палеографическим признакам второй половиной XVI столетия. Угроза вкладчика тому, кто осмелился бы похитить «сю спасительную книгу» из церкви, приобретает особое звучание, если учесть, что она и в самом деле наверняка была захвачена как трофей во время русско-польской войны середины XVII века. И кто знает, быть может, именно это Евангелие упомянуто среди церковной утвари, принесенной в марте 1679 года в опочецкий собор из отданного Литве Себежа? «Евангелие на престолное писменное на нем отлас ветхъ, на нем же Страсти Христовы мѣдныя»⁴². Ветхий атлас вполне мог быть заменен позднее на плюш, и даже пожар 1774 года книга могла пережить, вот только вышеупомянутые описи Успенской церкви о ней почему-то умалчивают; нет ее и в цитированной описи деревянного собора. В 1914 году, вероятно, не без участия Л. И. Софийского, Евангелие было взято на упоминавшуюся археологическую выставку во Пскове, откуда, быть может, обратно уже не вернулось⁴³.

⁴⁰ Там же; Родникова И. С. Художественное серебро.... Кат. № 155. С. 205.

⁴¹ Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX в.). Сост. Н. П. Осипова. Ред. А. А. Турилов. Ч. I. Псков, 1991. Кат. № 25. С. 24; Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического съезда... С. 66 (без указания источника поступления; в воспроизведенной уставом вкладной записи год указан неверно: «1695» – ему не соответствует ни имя епископа, ни имя короля). Сердечно благодарю за предоставление дополнительных сведений и фотографий переплета заведующую Древлехранилищем Светлану Алексеевну Волкову.

⁴² РГАДА. Ф. 145. Оп. 2. 1679 г. Д. 3 «Росписной список вывезенным во Псков и в Опочку из города Себежа жилецким людям, казачьим и стрелецким женам, церковной утвари, пушкам, всяким снарядам, казне, хлебным запасам и приказным делам». Л. 28 об. Когда-то при работе в РГАДА автору данной статьи не удалось увидеть этот ценный документ, знакомством с ним он всецело обязан Н. П. Меньшову.

⁴³ Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического съезда... С. 66.

Четкие следы от накладок на переплете говорят о весьма поздней их утрате – возможно, в период военных перемещений, а вот воском крышки, несомненно, были нещадно заляпаны еще в Опочке.

Несмотря на творчество отдельных гениев-одиночек XVI–XVII века, а тем более Век Просвещения – далеко не лучшая эпоха церковного искусства как в России, так и в остальном христианском мире. Происходящие из Опочки произведения старого псковского серебряного дела выделяются своим художественным качеством и, уж во всяком случае, по сравнению с тем, что в основном наполняет у нас храмы, особенно вновь открывшиеся, предстают истинными шедеврами, согретыми теплом вдохновения и веры. Поступления в музей из Торопца, Холма, Порхова и Островского уезда (не самого Острова!) количественно были намного значительнее, но в основном включали лишь вещи самого конца XVII и XVIII века. Из дюжины древних псковских пригородов Опочка и – учитывая происхождение венца с цатой – Себеж, кажется, единственные сохранили работы псковских серебряников более ранней поры.

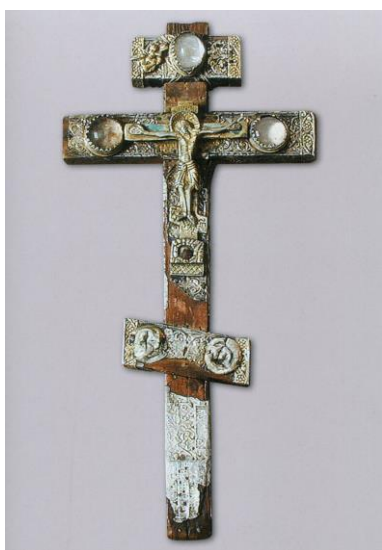
В заключение нельзя не коснуться кампании по изъятию церковных ценностей 1922 года, хотя о ней написано уже немало. Воспользоваться страшной бедой для нанесения удара по «идеологическим конкурентам» – слепое упование на силу и цинизм большевицкой верхушки, продолжавшей и в условиях НЭПа действовать в привычной логике гражданской войны, совершенно очевидны. Не говоря о том, что в разразившемся голоде и обнищании страны была и ее серьезная вина. Пусть перекочевывающие из одной публикации в другую данные о тысячах погибших при изъятии ценностей оказываются на поверку пропагандистским преувеличением, все же на российской территории можно насчитать многие десятки убитых при подавлении беспорядков и расстрелянных по приговору суда, и в разы большее число отправленных в тюрьму и ссылку⁴⁴. Нейтрально настроенные или прямо призвавшие не сопротивляться принудительному изъятию иерархи были, разумеется, правы: истинные сокровища Церкви нематериальны. Как знать, если бы всё щедро жертвовавшееся в XVIII–XIX веках на «благотворение» было потрачено на христианское просвещение и помощь бедным больным, оказалась бы Россия там, где она в итоге оказалась? С другой стороны, предсказание нелояльных к новой власти противников изъятия ценностей, что забранное пойдет на совсем иные цели, увы, во многом подтвердилось.

К чести для Псковской губернии, изъятия в ее церквях и монастырях не привели, как известно, к серьезным эксцессам, а обвиненные в сопротивлении либо приговаривались Губревтрибуналом к году лишения

⁴⁴ Хмуркин Г. Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. // «Вопросы истории». 2018. № 10. С. 40–51 (в своих других публикациях автор явно идеализирует политику революционной власти в отношении религии).

свободы, либо оправдывались⁴⁵. Отобранные музейщиками Г. М. Казаковым и Е. М. Тихвинским и переданные в Историко-Археологический музей ценности⁴⁶ в большинстве дожили до наших дней, несмотря на войну и принудительные списания предметов религиозного искусства во второй половине 1930-х. Едва ли уцелели бы они в таком количестве, если бы остались в церквях до их повального закрытия и разрушения в годы массового террора. Как мы видели, лишь две вещи из Опочки пополнили коллекцию уже после «великого перелома»: крест Ивана Минина – в 1931-м, средник крышки переплета – в 1934-м (?). Первый, однако, должен был быть изъят еще в 1929 году, да и второй вполне мог попасть в музей с определенной задержкой.

Подписи к иллюстрациям:

Ил. 1. Крест напестольный из Успенской церкви. Псков (?), 1567 г. Дерево, серебро, хрусталь; басма, литье, резьба, золочение. 36 x 17,5 см. Псковский музей-заповедник, инв. № 669 (по И. С. Родниковой)

Ил. 2. Крест 1567 г. Деталь: басма и каст из витой проволоки с хрусталем (по И. С. Родниковой)

⁴⁵ Иванова М. А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // «Псков», № 24. 2006. С. 158.

⁴⁶ См.: «Псков», № 8, 1998. С. 164–165 (докладная записка эксперта Главмузея Е. М. Тихвинского председателю Губкомиссии по изъятию церковных ценностей).

Ил. 3. Крест 1567 г.
Надпись © Псковский музей-заповедник

Ил. 4. Венец и гривна с чудотворного образа Богородицы Умиления Себежской. Псков, 1670-е гг. Серебро; чеканка, канфарение, золочение. 32x25 см, в том числе венец 19x20,5 см. Псковский музей-заповедник, инв. № 455 (2) (по И. С. Родниковой)

Ил. 5. Старая риза Себежской иконы на выставке XVI Всероссийского археологического съезда (в центре). Увеличенная деталь фотоснимка 1914 г.

Ил. 6. Совмещение в масштабе фотографий Себежской иконы (1912) и ее венца и гривны

Ил. 7. Средник верхней крышки Евангелия с пятифигурным Деисусом. Псков (?), конец XVII в. Серебро; чеканка, золочение. 19,2x17,2x1,9 см. Псковский музей-заповедник, инв. № 367 (по И. С. Родниковой)

Ил. 8. Деталь гривны с Деисусом из Любятовского монастыря: Иоанн Предтеча и орнамент. Псков, конец XVII в. Серебро; чеканка, золочение. 19х30 см. Псковский музей-заповедник, инв. № 459 (по И. С. Родниковой)

Ил. 9. Мастер К.-И. Элерс. Ковшечек для теплоты. 1776 г. Псковский музей-заповедник, инв. № 128 (по И. С. Родниковой)

Ил. 10. Верхняя крышка переплета Четвероевангелия из Успенской церкви. Дерево, кожа, медные чеканные накладки. Западная Белоруссия, первая четверть XVII в. Плюш. Опочка, XVIII в. 31х21 см. Инв. РУК-464 © Псковский музей-заповедник